

Въ Воскресенскѣ.

НАПИСАНО НА СТѢНАХЪ ЖИЛИЩА НИКІИ НА.

I.

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой;
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ,
Но колоколь растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всеобщей въ сей мирной
Зеленой мохъ, растущій надъ окномъ, [часть.
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынъ—все, все безъ словъ
Намъ говорить о тайнствахъ гробовъ...

Таковъ старикъ, подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

ТАМЪ ЖЕ, ВЪ МОНАСТЫРѢ.

II.

Предъ мной готическое зданье
Стоитъ, какъ тѣнь былыхъ годовъ,
При немъ тѣснится чувствованье
Къ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участя,
Святѣй любви, спокойнѣй счастья.

Быть можетъ, черезъ много лѣтъ
Сія священная обитель
Оставитъ только мрачный слѣдъ.
И любопытный посѣтитель
Въ развалинахъ людей искать
Напрасно станетъ, чтобъ узнать,
Гдѣ образъ Божеской могилы
Между златыхъ колоннъ стоялъ,
Гдѣ теплились наникадилы,
Гдѣ гласъ отшельниковъ звучалъ,
И гдѣ предъ Богомъ изливали
Свои грѣхи, свои печали.

И тамъ (какъ знать) найдетъ пришлецъ
Пергаментъ пыльный. Онъ увидитъ.
Какъ сердце любить по конецъ
И безконечно ненавидитъ,
Какъ ни вериги, ни влобукъ
Не облегчаютъ нашихъ мукъ.

Онъ тѣхъ людей узритъ гробницы,
Ихъ эпитафіи прочтетъ,
Временъ тогдашнихъ небылицы
За рѣчи истинны почтетъ,
Не мысля, что въ семъ мѣстѣ сгинули
Сердца, которыя любили!..

Къ .

«Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ—могила
Передо мной. Но чтожь? все пусто тамъ
Все прахъ, что вѣкогда она манила
Къ себѣ. Вокругъ меня толпа родныхъ,
Слезами жалости покрыты лица

И я пишу—пишу—но не для нихъ.
Любви моей не холодитъ гробница—
Любви—но вы не знали мукъ моихъ.
Я чувствую, что это трудъ ничтожный;
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть—пишу пока возможно—
Сей трудъ—души моей любимый трудъ!
Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью—такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ...
Я въ жизни—много—много испыталъ!
Ошибся въ дружбѣ—о! прими моихъ мученій
Слова—прости—и больше нѣтъ волненій...
Прости, мой другъ»—и подписалъ:
«Евгеній»

Н о ч ь III.

СИДЯ ВЪ СРЕДНИКОВѢ У ОКНА.

Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ноч-
Жужжа, въ долину пролетитъ порой; [ной.
Изъ подъ травы блистаетъ червячекъ,
Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ бурь далеку.
Высокихъ лицъ сталь пасмурнѣй навѣсь,
Когда луна взошла среди небесъ.
Нѣтъ, въ первый разъ прелестна такъ она!
Онъ здѣсь. Стоитъ, какъ мраморъ, у окна,
Тѣнь отъ него чернѣетъ на стѣнѣ.
Недвижный взоръ поднять, но не къ лунѣ;
Онъ полонъ вѣтмъ, чѣмъ только ядъ страстей
Ужасенъ былъ и милъ сердцамъ людей.
Свѣча горитъ, забыта на столѣ,
И блескъ ея съ лучемъ луны въ стеклѣ
Мѣшается, играетъ, какъ любви
Огонь живой съ презрѣніемъ, въ крови!
Кто-жь онъ? Кто-жь онъ, сей нарушитель
Чѣмъ эта грудь мятежная полна? [сна?
О, если-бъ вы умѣли угадать
Въ его очахъ, что хочетъ онъ скрывать!
О, если-бъ могъ единый бѣдный другъ
Хотя смягчить души его недугъ!

П р о с т и .

изъ вайропа.

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ
И даже улетитъ за нихъ.
Что пользы плакать и вздыхать:
Слеза кровавая порой
Не можетъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!..

Нѣтъ слезъ въ очахъ, уста молчатъ,
Отъ тайныхъ думъ томится грудь,
И эти думы вѣчный ядъ,—
Имъ не пройти, имъ не уснуть!
Не мнѣ о счастья бредить вновь,—
Лишь знаю я—и могъ снести—
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!